

ДЕНЕЖНАЯ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ДЛЯ XXI СТОЛЕТИЯ

Часть 3. Антиинфляционный парадокс растущей денежной массы

Приведенные во второй части примеры 1-3 наглядно показывают финансовые выгоды для отдельных предприятий, которые они могут получить, снижая цены на свои товары. Но какая может быть связь между макроэкономикой (инфляцией и денежной массой) и микроэкономикой (ценовой политикой предприятий, учитывающей эластичность спроса)?

Предположим, что каждый рассмотренный пример типичен для экономики в целом, то есть является ее репрезентативным срезом. Иначе говоря, воспользуемся индуктивным методом – менее знаменитым, чем дедуктивный, но в отличие от последнего в науке значительно более полезным. Этот прием позволит нам перекинуть методологический мостик между частью первой, в которой рассматривался макроэкономический аспект денежного обращения, и частью второй, в которой предметом исследования являлись уже объекты микроэкономики. Итак...

При рассмотрении примеров 1-3 в неявной форме предполагалось, что покупатели располагают объемом денежных средств, достаточным для того, чтобы полностью раскупить изменившийся объем продаваемых товаров. С точки зрения макроэкономики это означает, что платежеспособный спрос покупателей, если его рассматривать как произведение денежной массы на скорость обращения денег¹, должен быть равен выручке предприятий, то есть сумме произведений цен производимых ими товаров на количества товаров. Другими словами,

$$Mv = D = \sum xy(x) \quad (26), \text{ где}$$

- D – платежеспособный спрос покупателей;
- M – денежная масса;
- v – скорость обращения денег;
- $y(x)$ – реальный объем продаж товаров и услуг;
- x – цена товара (цена за единицу натурального измерителя).

Теперь вспомним пример 1, который я назвал самым показательным, что, впрочем, не слишком далеко от истины, поскольку в отличие от двух других примеров в нем действительно имеет место гармония интересов продавца и покупателей – словом, этот пример в чем-то знаковый. В нем, напомним, для обеспечения роста прибыли на 18,3% выручка $xy(x)$ должна была возрасти на 36,9%, то есть значительно больше. Если взглянуть на это с точки зрения денежного обращения, то это означает, что платежеспособный спрос D тоже должен был возрасти на те же самые 36,9%, – в противном случае, останься он на прежнем уровне, снижение цен принесло бы продавцу одни убытки; в частности, в примере 1 они составили бы

$$323,60 \text{ млн.руб.} \times \left(\frac{100,00\%}{100,00\% + 36,9\%} - \frac{100,00\%}{100,00\% + 18,3\%} \right) = -37,16 \text{ млн.руб.}$$

Следовательно, если считать пример 1 типичным для всей экономики, то подобный положительный эффект будет иметь место при обязательном условии, когда платежеспособный спрос D покупателей возрастает на величину, равную выручке продавца $xy(x)$.

¹ Нужно иметь в виду, что в данном случае имеется в виду уже **теоретическая скорость денежного обращения**, которая содержится в формуле денежного обращения И.Фишера: $MV = PY$, где M – количество денег, V – скорость обращения денег, P – уровень цен, Y – реальный объем производства товаров и услуг. На практике же в качестве скорости обращения денег принимают **расчетную величину**, равную отношению ВВП к денежному агрегату $M2$ (именно эти показатели даны в табл.1). Связь между **теоретической** и **расчетной** скоростью обращения денег очевидна: второй равен произведению первого и доли ВВП в валовом выпуске (валовой выпуск, как известно, в статистике национальных счетов представляет сумму ВВП и промежуточного потребления).

Но величина D , согласно выражению (15), есть также произведение денежной массы M и скорости обращения денег v . С точки зрения формальной логики для увеличения D , казалось бы, абсолютно безразлично, что должно вырасти – M или v .

На самом же деле, если вспомнить эмпирический вывод из раздела "Параллели и аналогии", а также все то, что известно о денежном обращении из экономической литературы, начиная от И.Фишера и заканчивая М.Фридменом, высокое значение скорости обращения денег есть признак слабости денежной системы страны, своеобразная количественная мера "аргентинского синдрома". А это нужно понимать в том смысле, что формальная эквивалентность параметров M и v в выражении (26) вовсе не означает их эквивалентности в реальной жизни. При прочих равных условиях для увеличения платежеспособного спроса D необходим только рост денежной массы M , происходящий на фоне стабильной, а еще лучше – снижающейся скорости обращения денег v .

Иначе говоря, чтобы снижение цен x в примере 1, если считать его типичным для экономики, обернулось не только ростом реального объема продаж $y(x)$, но и ростом выручки $xy(x)$ и прибыли продавцов, необходим постоянный рост денежной массы M , при котором последняя непрерывно заполняла бы "ценовой вакуум", образующийся в результате снижения цен. Без этого условия эффект от снижения цен для продавцов будет в лучшем случае нулевой, в худшем отрицателен, а потому продавцы, подержав какое-то время пониженные цены, будут вынуждены восстановить существовавший до этого понижения статус-кво, то есть обратно вернуться к прежнему уровню цен.

Таким образом, пример 1, чтобы стать типичным для всей экономики, предполагает что последняя постоянно, в режиме реального времени решает сложную задачу силами трех действующих лиц: продавцы обеспечивают снижение цен, Центральный Банк оперативно создает адекватное рыночному эффекту от снижения цен приращение денежной массы, а покупатели, пользуясь предоставленными продавцами и Центральным Банком возможностями, обеспечивают рост платежеспособного спроса. Выражение (26), записанное в виде тройного равенства, может быть интерпретировано как трехсторонняя ответственность: за уровень Mv несет ответственность Центральный банк, за уровень $xy(x)$ отвечают продавцы, а окончательный баланс между Центральным банком и продавцами, то платежеспособный спрос D , обеспечивают покупатели:

Mv	$=$	D	$=$	$\sum xy(x)$
Центральный банк				Покупатели Продавцы

И если это тройное равенство будет соблюдено, то мы получаем: во-первых, реальный экономический рост; во-вторых, рост денежной массы; в-третьих, дефляцию, то есть инфляцию со знаком минус; в-четвертых, в качестве интегрального эффекта – укрепление национальной валюты по отношению к мировым валютам. Иначе говоря, возникает тот самый внешне парадоксальный результат, который уже двенадцать лет пытаются, но не в состоянии обеспечить сменяющие друг друга правительственные кабинеты.

Что такая гармония возможна, показывают рис.22-24.

На рис.22 показаны шесть возможных вариантов динамики платежеспособного спроса D при изменении цены x (ось абсцисс) и изменении реального объема продаж $y(x)$ (ось ординат) под влиянием эластичности спроса. Почему для цен отведена ось абсцисс, а для реального объема продаж ось ординат – очевидно: с точки зрения эластичности

покупательского спроса логично рассматривать как аргумент именно цены, а объем продаж соответственно как функцию от данного аргумента. Сначала отметим, что рассмотренные во второй части примеры мы можем сразу поставить в соответствие какому-либо вектору на рис.22 (в частности, $\overrightarrow{OC}$ – пример 1, $\overrightarrow{OD}$ – пример 3 и $\overrightarrow{OF}$ – пример 2), а далее дадим макроэкономическую интерпретацию каждому из векторов на рис.22.

$\overrightarrow{OE}$ показывает ситуацию, когда рост цен через эластичность спроса приводит к снижению реального объема продаж товаров и услуг, но при этом платежеспособный спрос D , равный выручке предприятий $xu(x)$, растет. Именно такая картина наблюдалась в российской экономике в 1992-98гг.: цены росли, эластичность спроса приводила к падению реального ВВП, но выручка предприятий и номинальный ВВП из года в год стабильно возрастали (табл.1).

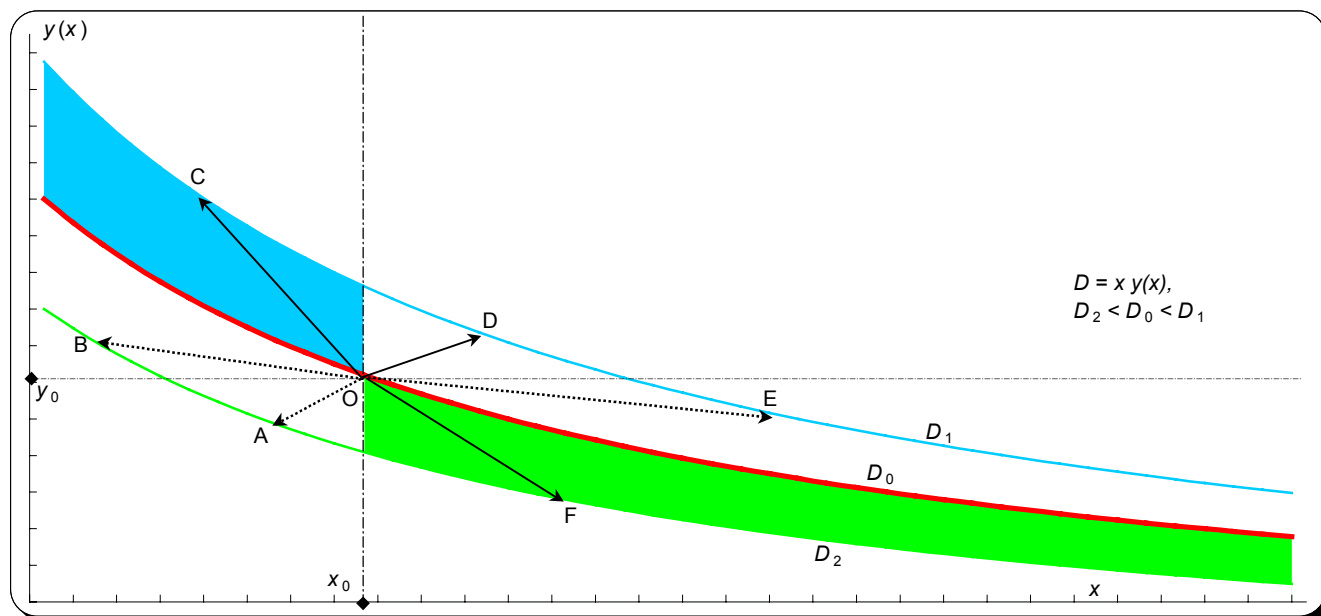

Рис.22. Векторы экономического развития в координатах цен и реального объема продаж товаров и услуг

$\overrightarrow{OD}$ справедлив не только для примера 3. Это еще и сегодняшнее состояние нашей экономики. Цены растут, но по каким-то причинам механизм эластичности спроса полностью или частично заблокирован, и в итоге вопреки росту цен реальный объем продаж товаров и услуг, а значит, и выручка предприятий $xu(x)$ тоже возрастает. В системе национальных счетов это выражается в росте реального и номинального ВВП (табл.1). С точки зрения макроэкономики действие рыночного регулятора в виде эластичности спроса в 1992-98гг. и его бездействие в 1999-2003г. есть не очень хороший знак. Его нужно понимать в том смысле, что если в 1992-98гг. мы худо-бедно, но имели некое подобие саморегулирующегося рынка, то сейчас мы имеем экономику, которая благодаря притоку нефтедолларов стимулирует рост производства и потребления безотносительно к росту цен, то есть на манер банального дотирования (или фондирования, если вспомнить уже полузабытый термин).

$\overrightarrow{OC}$, справедливый для примера 1: цены снижаются, объем производства благ и услуг под влиянием эластичности спроса растет, растут также равные друг другу платежеспособный спрос D и выручка продавцов $xu(x)$. В действительности этот случай типичным ни для России, ни для мира в целом не является. Разумеется, этот вектор был бы благом для страны, но вот вопрос: возможен ли он в принципе? На это я мог бы ответить следующее:

- во-первых, вектор $\overrightarrow{OC}$ в чистом виде действительно не свойствен какой-либо экономике мира. Однако направленный вверх от точки O вектор (с небольшими колебаниями влево-вправо), характеризует экономику развитых стран Европы, США и Азии последнего десятилетия, для которого были характерны рост реального объема продаж при неизменных ценах или очень незначительной инфляции. Косвенно, но это подтверждает, что ценовой

фактор действительно может регулировать не только спрос на уровне микроэкономики, но и являться макроэкономическим регулятором;

- во-вторых, история экономического возрождения Советского Союза, Германии, Японии и ряда других стран после первой и второй мировой войн была ни чем иным, как реализацией именно данного сценария. Нужно просто учесть, что снижение цен в этих странах после каждой из войн было не слишком очевидным: оно было завуалировано двумя факторами – послевоенной конверсией и денежными реформами, – но тем не менее оно было, и весьма значительное;
- в-третьих, я хотел бы обратить внимание на один любопытный факт. В своей знаменитой книге "Если бы деньги заговорили..." М.Фридмен на заключительных страницах в иронично-самокритичной форме высказал мысль, что для непрерывного увеличения всеобщего богатства нужно ... **постоянно снижать цены!** Это и тогда, и сейчас это звучит таким диссонансом всему, что известно о ценах из экономической практики и теории, что последователи М.Фридмена – как его современники, так и нынешние, – предпочитают не комментировать эту идею учителя (не доросли, наверно, до учителя). А вот критики его теории никогда не забывали злорадно напомнить, как они считали, об этом его глубочайшем заблуждении, свидетельствующем о порочности количественной теории денег. Но, может быть, мэтр все-таки был выше и своих последователей, и своих зоилов? Может быть, он интуитивно почувствовал то, что я доказываю сейчас математически? (О том, как могла возникнуть догадка М.Фридмена, чуть ниже, в комментариях к рис.23).

ОВ показывает довольно экзотический сценарий: цены снижаются, под влиянием эластичности спроса реальный объем продаж товаров и услуг растет, а вот платежеспособный спрос D падает. Иначе говоря, при прочих равных условиях реальный ВВП также растет, а вот номинальный снижается. Возможно ли такое? Не стану утверждать этого безоговорочно, но, на мой взгляд, есть страны, которым остается только этот выбор: Япония, Швейцария и Тайвань (средняя колонка табл.4). С одной стороны, их денежную массу я охарактеризовал как избыточную, а скорость обращения денег как низкую. С другой – эти страны держат в мире первенство по уровню цен и одновременно по уровню жизни тоже. Не является ли залогом их дальнейшего экономического прогресса снижение цен? – эту мысль я разовью ниже, в комментариях к рис.23-24. Кстати сказать, кандидатом в этот "клуб" могут стать и сами США, если учесть, какая доля их национальной валюты "эмигрировала", а также опыт истории, показывающий, что блудные сыновья только и ждут, чтобы вернуться обратно.

ОА формируется, если падает цена и одновременно падает производство, – то есть данный рынок также не показывает явных признаков эластичности спроса. Мы видим, что в итоге сокращается в целом платежеспособный спрос. Это гипотетический сценарий, возможный в случае, когда уровень потребления в обществе в силу уровня его развития начинает зависеть не столько от цен и эластичности спроса, сколько от иных факторов – экологических, медицинских, социальных etc. Если учесть, что в развитых странах Северной Европы (Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия) идея перехода от общества массового потребления к обществу разумного потребления завоевывает все больше сторонников, то данный вариант также имеет шансы стать реальностью. (Правда, не стоит забывать, что его логическим финалом может стать реализация лозунгов типа "назад к природе!" и "голый человек на голой земле").

ОФ справедлив, как было уже сказано, для примера 2: цены растут, в силу эластичности спроса реальный объем продаж падает, выручка продавцов $xu(x)$ и соответственно платежеспособный спрос D также падают. Пусть даже рынок демонстрирует образцовую эластичность, но это есть дикий, наихудший с точки зрения покупателя рынок, ибо он игнорирует покупателя; это рынок самоедский, поскольку он уничтожает часть самого себя в лице покупателя. Словом, это рынок без будущего, ибо он рубит сук, на котором сидит.

Итак, мы имеем шесть возможных сценариев экономического развития в координатах цен и реального объема продаж товаров и услуг. Можно говорить еще о четырех граничных вариантах, когда или цена x , или реальный объем продаж $y(x)$ постоянны, то есть эти четыре вектора будут направлены строго вдоль вертикальной или горизонтальной координат точки O – соответственно вверх (вниз) или влево (вправо). Но так как эти варианты приводят к тем же следствиям, что и рассмотренные выше 6 векторов и соответственно могут быть объяснены как их частные случаи, то повторяться не стоит. Наконец, возможны еще два варианта, когда меняются цена x и реальный объем продаж $y(x)$, при этом данные изменения взаимно уравновешивают друг друга, и в результате выручка $xy(x)$ и соответственно платежеспособный спрос D остаются прежними. Иначе говоря, скачка с со средней гиперболы на другую (выше или ниже), как это имело место в случае векторов, изображенных на рис.18, не происходит. Но поскольку это тоже частные случаи векторов $\overrightarrow{OC}$ или $\overrightarrow{OF}$, то соответственно окажутся справедливы аналогичные выводы.

На очереди комментарии к рис.23, который изображает те же самые шесть возможных векторов экономического развития, но уже в координатах скорости денежного обращения и денежной массы. Как можно видеть, ось абсцисс отведена под скорость денежного обращения v , а ось ординат – под денежную массу M . Если принять во внимание общепринятое представление о координатных осях, то может возникнуть резонный вопрос: а почему, собственно говоря, скорости денежного обращения присвоен формальный статус аргумента, тогда как денежной массе – формальный статус функции? Насколько это правомерно? Не правильнее ли поступить как раз наоборот – денежной массе отвести ось абсцисс, а скорость денежного обращения ось ординат – ведь по логике вещей ЦБР управляет денежной массой, а вот на скорость денежного обращения непосредственно повлиять он не в состоянии?

На этот вопрос я должен сказать, что если даже мы не знаем, как измерять скорость обращения денег непосредственно, то это не значит, что данная скорость есть нечто неосознаемое и виртуальное, имеющее место только в формальных математических моделях денежного обращения как производная величина от других экзогенных переменных. Исторические закономерности, присущие денежному обращению, позволяют предположить, что, несмотря на его недоступность прямому измерению и обусловленный этим сугубо механический способ установления величины данного показателя (допустим, как отношение ВВП к денежной массе), этот параметр денежного обращения есть имманентно присущая экономической системе характеристика. Очень может быть, что именно она является первичной по отношению к денежной массе, если даже ЦБР запротестует против такой расстановки приоритетов – иначе очень трудно (а скорее всего, и невозможно) объяснить спектральный характер скоростей денежного обращения, явно коррелирующий с типом экономической динамики, как это было показано в разделе "Параллели и аналогии": страны со средней скоростью денежного обращения демонстрируют преимущественно экономический рост, страны с пониженной скоростью склонны скатываться в состояние рецессии, а страны с повышенной скоростью не могут уйти из-под дамоклов меча "аргентинского сценария". Эту ситуацию можно было бы объяснить тем, что величина скорости обращения денег находится в обратной зависимости от степени доверия страны к своей же национальной валюте. Чем выше доверие населения страны к своему национальному достоянию в виде родной валюты, тем ниже скорость обращения денег, то есть деньги тратятся более бережно и экономно, и наоборот (табл.4 тому блестящее подтверждение).

И если это так, то становится возможным провести параллель с ценами и объемом продаж. Как известно, продавец может вынести на рынок сколько угодно товаров, но фактический объем его продаж будет зависеть от спроса покупателей, то есть будет иметь место причинно-следственное кольцо: продавец своими ценами формирует спрос покупателя, а последний, в свою очередь, своим спросом определяет реальный объем продаж. Аналогичное

кольцо взаимозависимости в денежном обращении могло бы выглядеть так. Ответственные за денежное обращение государственные органы, формируя разнообразными телодвижениями (их арсенал невелик – ревальвация и девальвация) определенное отношение населения к национальной валюте (или как к богатству, или как к хламу), фактически устанавливают, сами того даже не осознавая, скорость обращения денег. Со своей стороны, экономика и население замыкают кольцо, реагируя на эту скорость денежного обращения в форме спроса на национальную валюту, и соответственно данный спрос удовлетворяется государством в лице Центрального Банка путем формирования денежной массы.

Конечно, такое объяснение зависимости между скоростью обращения денег и денежной массой (как системы с обратной связью) на первый взгляд несколько натянутое и искусственное. Но я должен заметить, что имеющиеся на сегодняшний день объяснения денежного феномена, включая и модели М.Фридмана, тоже не есть полученные извне эзотерические знания – все они суть формально-логические модели с элементами субъективных предположений и гипотез, преследовавшие целью выявление закономерностей денежного обращения. Мое объяснение зависимости между скоростью обращения денег и денежной массой не лучше и не хуже их – оно тоже формальное, и тоже ставит целью поиск законов, определяющих роль и место денег в экономике. А потому, если мое предположение о том, что денежная масса функционально зависит от скорости обращения денег, приведет к новым знаниям, которые пригодятся на практике, то это и будет наилучшим подтверждением того, что, по крайней мере, на сегодняшний день такая гипотеза оправдана.

К каким выводам можно прийти, анализируя векторы на рис.23?

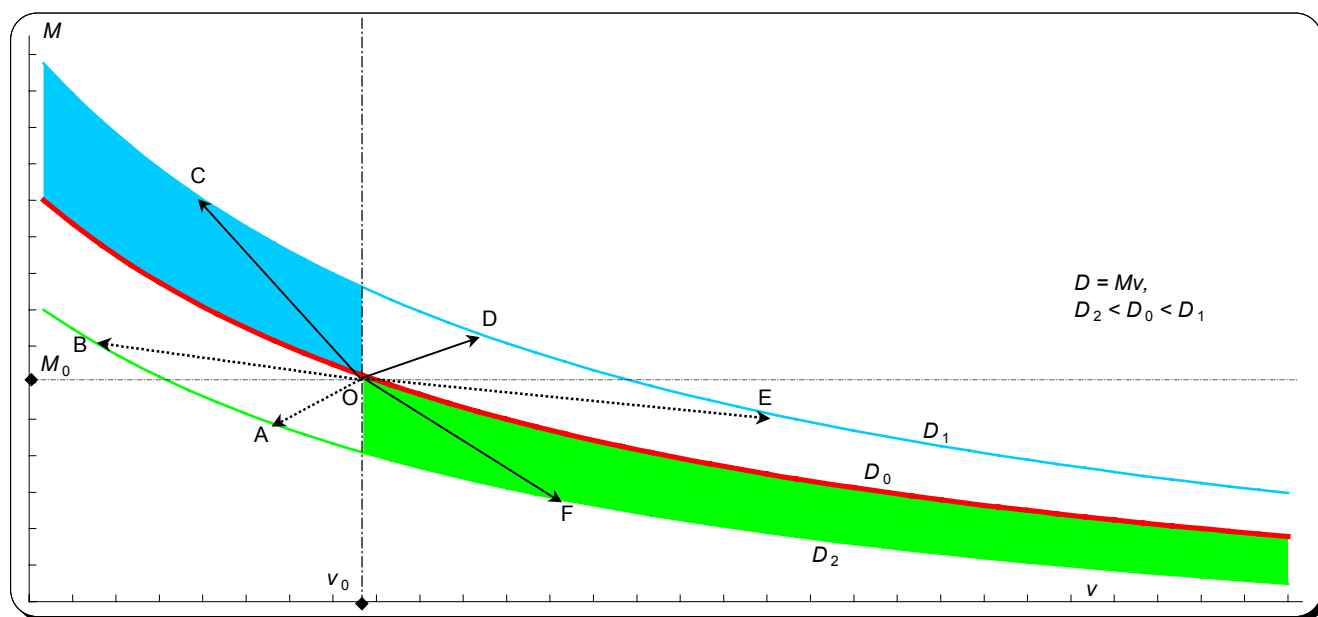

Рис.23. Векторы экономического развития в координатах денежной массы и скорости денежного обращения

В 1992-97гг. скорость денежного обращения в нашей экономике росла, с 1998г. она медленно снижается, тогда как денежная масса все это время возрастала (табл.1). Учитывая, что выручка предприятий $xv(x)$ и платежеспособный спрос D в 1992-2003гг. постоянно росли, то это означает, что если в 1992-97гг. развитие денежного хозяйства страны определялось вектором $\overline{OD}$, то в 1998-2003гг. – уже вектором $\overline{OC}$. Иначе говоря, вектор денежного хозяйства оба периода был смещен на один сектор вперед по сравнению с вектором реального сектора (напомню, согласно рис.22, для 1992-98гг. был справедлив вектор $\overline{OE}$, а для 1999-2003гг. – вектор $\overline{OD}$).

Далее, вспомнив о спектральном характере скоростей денежного обращения (табл.4), мы

можем сделать еще одно обобщение. Не будет преувеличением сказать, что правительство любой страны, пусть даже не афишируя это явно, стремится к тому, чтобы сделать национальную валюту сильной как внутри страны, так и вне ее (в какой мере это удастся, и удастся ли вообще – это другой вопрос). А следовательно, при прочих равных условиях (а к таковым в первую очередь следует отнести политику наращивания денежной массы – ибо прецедентов сокращения денежной массы на сегодняшний день в мире пока еще нет) векторы $\overrightarrow{OD}$ и $\overrightarrow{OC}$ оказываются единственными, которые представлены во всех странах мира: если реальный сектор в кризисе или стагнации, то денежное хозяйство стремится развернуться в направлении $\overrightarrow{OD}$; как только ситуация в реальном секторе начинает улучшаться, денежное хозяйство разворачивается в направлении $\overrightarrow{OC}$.

Возможен, но больше теоретически, еще вектор $\overrightarrow{OB}$, но такой сценарий должен сопровождаться снижением платежеспособного спроса D и выручки предприятий $y(x)$, то есть это было бы равносильно снижению номинального ВВП (правда, последние несколько лет на грани этого варианта балансировала Япония).

Говоря о векторе $\overrightarrow{OC}$ на рис.22, я упомянул о М.Фридмене, сказав, что он видел залог увеличения всеобщего богатства в снижении цен. На мой взгляд, такая мысль могла появиться у мэтра в результате сопоставления им между собой следующих факторов:

- он не мог не обнаружить, что снижение скорости обращения денег для экономики предпочтительнее, чем рост, так как последний есть признак слабости денежной системы;
- кроме того, он предложил денежную формулу, предполагавшую наращивание денежной массы с постоянным темпом;
- далее, в своих моделях он исходил из экономического роста, выражавшегося в увеличении номинального и реального ВВП;
- наконец, признавая факт инфляции, он все-таки считал ее злом и искал способ если не избавиться от нее окончательно, то хотя бы минимизировать ее величину.

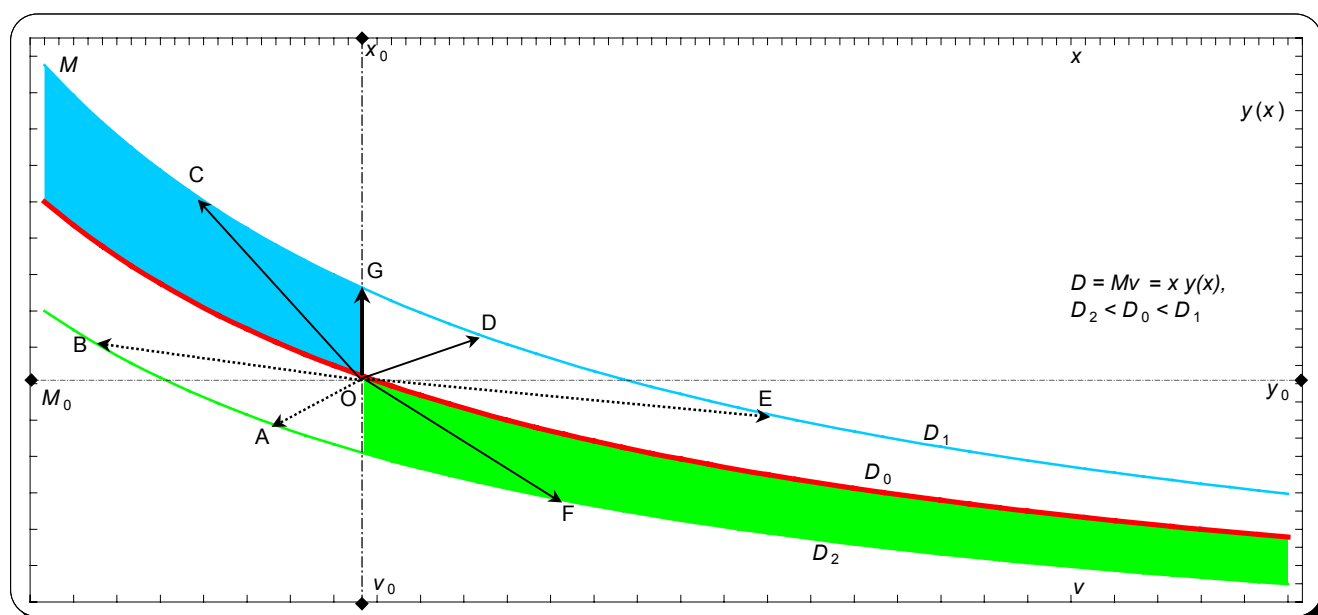
Если собрать все это вместе, то это будет означать, что М.Фридмен фактически оперировал вектором $\overrightarrow{OC}$ как на рис.23, так и на рис.22, поскольку любая другая комбинация, позволяющая одновременно остаться в рамках принятых им допущений и в рамках формулы денежного обращения И.Фишера, невозможна. Мэтр интуитивно понял, что источник всеобщего богатства – это действительно наращивание денежной массы на фоне снижающихся цен; он лишь не нашел способа математически формализовать свою догадку.

Написав последние слова, я плавно перешел к комментариям для последнего графика из серии векторов экономического развития (рис.24). Здесь те же три гиперболы платежеспособного спроса D , равные величинам Mv и $y(x)$. Здесь также шесть векторов, но в отличие от предыдущих графиков, они формируются уже под влиянием сразу всех четырех факторов, представленных в формуле денежного обращения И.Фишера. Факторы размещены попарно: регулируемые продавцами цены x и задаваемая государством скорость денежного обращения v представлены как два аргумента, а реальный объем продаж $y(x)$ и денежная масса M приведены как функции от соответствующего аргумента. Кроме того, между $\overrightarrow{OD}$ и $\overrightarrow{OC}$ появился новый вектор $\overrightarrow{OG}$, соответствующий случаю, когда цены и скорость денежного обращения постоянны, а меняются лишь реальный объем продаж и денежная масса. Забегая вперед, сразу отмечу, что вектор $\overrightarrow{OG}$ есть сценарий статичных финансов, которые имеют место в концепции Дж.М.Кейнса, опирающейся на гипотезу о нейтральности денег.

Итак, о чем говорит нам этот график?

Очевидно, что при прочих равных условиях любое общество заслуживает благоденствия в виде растущего благосостояния при неизменных ценах и неизменной скорости обращения денег, что означает развитие по вектору $\overrightarrow{OG}$, то есть в соответствии с концепцией Дж.М.Кейнса. Такой сценарий есть тайная мечта любого правительства любого государства, поскольку он есть предпосылка для социальной стабильности вплоть до полной социальной

Однако ясно и то, что развитие по Дж.М.Кейнсу практически неосуществимо, так как есть масса причин, которые заставляют оба аргумента (цены и скорость обращения денег) двигаться влево или вправо, причем это движение может быть как синхронным, так и метасинхронным, а изменения аргумента, в свою очередь, вызывают изменения функций (реального объема продаж и денежной массы соответственно). В результате экономика может характеризоваться двумя разнонаправленными векторами сразу: например, в настоящее время реальный сектор России ориентирован как $\overrightarrow{OD}$, тогда как финансовая система направлена как $\overrightarrow{OC}$; впрочем, точно также ориентированы реальный сектор и финансы большинства стран, в том числе и развитых. Разница же между Россией и развитыми странами в том, что темп снижения скорости денежного обращения и инфляции в России выше, чем в развитых странах. Возвращаясь к рис.24, мы могли бы сказать, что если в нашей экономике эти два вектора развернуты широко, то в развитых странах угол между ними существенно меньше.

Опираясь на этот полуэмпирический вывод, а также еще раз вспомнив о неоцененном до сих пор по достоинству предсказании М.Фридмана и о желательности для любой экономики в длительной перспективе кейнсианского варианта развития, осталось сформулировать последнюю гипотезу – гармоничного развития реального сектора и финансовой сферы.

– 8 –

государство должно придерживаться или стратегии $\overrightarrow{OD}$, или $\overrightarrow{OC}$, но никак не обеих сразу – это может быть только временным явлением кризисного свойства. Для правительства, отвечающего за денежное хозяйство, вектор $\overrightarrow{OD}$ означает сознательную девальвацию национальной валюты, и соответственно вектор $\overrightarrow{OC}$ – столь же сознательное укрепление национальной валюты, формализованное в виде соответствующего изменения курса рубля по отношению к мировым валютам. Соответственно для предпринимателей вектор $\overrightarrow{OD}$ означает сознательное повышение цен, и соответственно вектор $\overrightarrow{OC}$ – столь же сознательное их снижение.

Однако в настоящее время в российской экономике реальный сектор характеризуется вектором $\overrightarrow{OD}$ (цены растут, но реальный объем продаж товаров и услуг тоже увеличивается), тогда как денежное хозяйство – вектором $\overrightarrow{OC}$ (скорость обращения денег снижается, а денежная масса увеличивается). А потому ситуация нуждается в исправлении, при этом у правительства и Центрального Банка есть две альтернативы:

- **ИЛИ:** оставить все как есть, и тогда при первом же сквозняке на мировом нефтяном рынке национальная валюта даст знать о себе еще одной самостоятельной (точнее, самопроизвольной) девальвацией, которое наглядно проиллюстрирует очередному правительственному кабинету справедливость формулы *"хороший политик идет впереди событий, плохого они волокут за собой"*. В результате вместо тянущих экономику в разные стороны векторов $\overrightarrow{OD}$ и $\overrightarrow{OC}$ правительство получит закономерный вектор $\overrightarrow{OD}$: инфляцию и увеличение скорости обращения денег, а также их неизбежные последствия – вал неизбежно сопутствующей инфляции низкокачественной (и даже откровенно фальсифицируемой) продукции и вал низкокачественной денежной массы;
- **ИЛИ:** учитывая, что после 1998г. несколько лет сравнительно спокойного развития пошли на пользу национальной валюте, и к ней стало возвращаться уважение населения, у правительства появился уникальный шанс реализовать мечту М.Фридмана. Иначе говоря, необходимо двигаться по направлению вектора $\overrightarrow{OC}$, обеспечивая рост благосостояния, сопряженный с дефляцией, официально и во всеуслышание декларируемым укреплением рубля, ростом денежной массы. Единственное, что для этого требуется, это начать систематически, терпеливо, упорно объяснять предпринимателям выгоду снижения цен, используя в качестве практического пособия вторую часть статьи, настаивая на таком снижении и даже, может быть, в исключительных случаях требуя его. А с целью стимулирования предпринимательства необходимо перейти к налогообложению по формальному признаку, не требующему от налогоплательщика никаких усилий по расчету и уплате налогов. Если учесть, что бухгалтерия налогоплательщика – юридического лица, лишь на две трети работает непосредственно на налогоплательщика, а на одну треть – на государство в лице фискальных органов, то стоит ли говорить, какая громадная нагрузка будет снята с налогоплательщика и от какой бесконечной нервозности будет избавлена его бухгалтерия? В подробностях об антиинфляционной налоговой политике – уже в четвертой части статьи.